

Мы – бражники, блудницы, наркоманы –
 Вошли в полуразрушенные храмы
 И различили Запад и Восток.
 В нас чувства, пробудившись, стали резки.
 Нас окружили выцветшие фрески –
 На уцелевших полыхали раны.
 И было ясно, где добро, где зло.

В те дни мы восставали против тлена,
 Мы приносили к стенам Вифлеема
 Свои окаменелые сердца.
 Мы даже не мечтали о прощении,
 Но (притчу испытавши до прочтения)
 Почувствовали, выходцы из плена,
 Навстречу нам спешившего Отца.

* * *

Тогда февраль вступал в свои права.
 Мне было очень холодно – настолько,
 Что не согрела б ни одна настойка.
 И в сердце у меня чернел провал.

Тогда я перестала ждать тепла.
 И чуда ждать я тоже перестала.
 Меня чурались люди, кем я стала.
 И вот тогда, поверишь ли, тогда

Животные с картонок Пиросмани
 Пришли и лизали боль мою.
 «Спаси, Нико!» – Тебя, Господь, молю
 О дивном уроженце Мирзаани.

– Как там дом твой? – Мой дом не построен.
 – Как там сын твой? – Мой сын не зачат.

В наше время волков – не зайчат –
 Поколение живёт на постое,
 И, растратив себя на пустое,
 Здесь любимых, и тех не щадят.

– Как там враг твой? – Мой враг не повержен.
 – Как там друг твой? – Мой друг позабыт.

Наши души годятся на сбыт –
 Не на вечную радость, поверь же.
 И ответ этот нами затвержен
 У разбитых китайских корыт.

– Как же так? – (Пожимаю плечами.)
 – Как так вышло? – (Молчу за двоих,

Не на шутку уста затворив.)
 ...Но куда земля нас качает,
 Даже мы ещё плачем ночами
 О сомнительных душах своих.

* * *

Зашумело шоссе и омыло свои берега,
 Поманив одинокого путника лёгкой развязкой.
 Береги свою душу, как мама тебя берегла,
 Покрывая горячечный лоб охлаждённой повязкой.

Береги себя, путник. Пусть город закатан в бетон,
 Да над городом небо, с которого каждого видно.
 Даже если дорога твоя обернётся бедой,
 То утетишься тем, что твоя голова неповинна.

* * *

Всё-то мир в крови.
Зашумела Сетунь.
Лишь себя кори –
На других не сетуй.

Лишь себя вини,
А других – не надо.
У реки сверни
И пройди вдоль сада.

Личная война.
Правда и неправда.
Личная вина.
Личная Непрядва.

В мире все вольны
Плакать до надсады.
А итог войны –
За оградкой сада.

* * *

Это время твоё потеряно,
Это ты в опустелом тереме
(Под окном ни цветка, ни деревца),
Одинокая красна девица.
Не хватило ума ли, сердца ли?..
На себя полюбуйся в зеркальце –
Никому не жена, не милая.
Жизнь твоя не живая – мнимая.

Тишина над тобой – дамокловым.
Всё ты ходишь вокруг да около,
Материнство зовёшь, супружество...
Нет, не мужа тебе, а мужества
Не хватает, ничья далёкая,
Чтоб судьбу свою счесть за лёгкую,
Чтоб смириться во светлой горнице
И однажды воскреснуть горлицей.

* * *

Ты понимаешь вдруг, что время куце.
Ты жив ещё, ты падаешь ничком.
Из всех твоих вопросов остаются:
«Кому повем?» и «Колокол по ком?»

И, дрожь земли уже не отрицая,
Ты страждешь в мире, страстью повреждён.
Срывается куда-то птичья стая,
И небо обрушается дождём.

А ты один под этим грозным небом.
И страшно так, как в детстве в темноте.
Ты ждёшь рассвета. А потом с рассветом
Ты долго нем. И кроток в немоте.

* * *

Вновь колючкой земля увита
И охвачена ветром ярим,
На котором Звезда Давида
Полыхала над Бабьим Яром.
Серебристым ягнёнком пепел
Поднимался над тем оврагом,
И не пел на восходе петел,
Ни один не вещал оракул.
Это было вчера. А завтра...
Что там завтра – спроси и сведай,
Кто, звериным горя азартом,
Оглошит мои рассветы?

* * *

Направляется под уклон
Этот поезд быстрее прочих,
Завещаая тебе поклон,
Почерневшая наша почва.

Знаю, станет совсем не так,
Как бывало когда-то раньше,
Но да сбудется добрый знак
После сбывшихся знаков вражьих.

Снова птица гнездо совьёт,
Зарубцуются полустышья.
Жизнь, конечно, возьмёт своё,
Но значительно тише. Тише.

* * *

На заре на зарю посмотри.
На закате почувствуй закат.
Всё случайное, слышишь, сотри,
Или Блок тебе больше не брат?

Знай, никто у тебя не отнял
Ни просторов твоих, ни степей,
Где довольно не жизни, а дня,
Чтобы всё научиться стерпеть.

И звезда не погасла – горит,
Твой рифмованный путь серебра
Через все расстоянья земли,
На которой не бросит тебя.